

Отзыв
официального оппонента
о диссертации Галины Михайловны Васильевой
«Фауст» И.В. Гёте в русском и европейском литературном сознании»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 10.01.01 – русская литература и по специальности
10.01.03 - литература народов стран зарубежья (немецкая)

Диссертация Г.М. Васильевой посвящена теме, имеющей непреходящее значение, поскольку «Фауст» Гете является «архетипом поэзии» и примером мировой литературы, над которым будет размышлять и который будет переводить не одно поколение литераторов. Осмысление его в европейском философско-литературном сознании и написание «своего Фауста» в творчестве отдельных его представителей в Европе и России не имеет временных и пространственных границ. Анализ философского, культурного, литературного, лингвистического, переводческого осмысления «Фауста» Гете в XIX и XX вв. и оставляет актуальность данной работы.

Новизну работы Г.М. Васильевой обуславливает рассмотрение главного гетевского труда с точки зрения морфологии культуры. Новым является и введение в научный оборот неизвестных русских переводов XIX в. (А.М. Овчинников, М. Семперверо, К.А. Иванов, а также никогда не публиковавшийся автограф Н.Б.). Г.М. Васильевой существенно дополнена библиография русского гётеанства такими именами, как А.И. Ромм, Г.Г. Швиттау, А.Н. Егунов, Э.Л. Миндлин. Эти и другие имена включены в общую систему, представляющую «Фауста» Гете как многообразную, порождающую все новые тексты художественную структуру.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном изучении традиций «Фауста» Гёте, рецепции «фаустианства» как классического наследия и усвоения его в вариативном многообразии в русской литературе XIX-XX вв. Кроме того, Г.М. Васильевой определены структурообразующие принципы в архитектонике трагедии, проанализирована генеалогия образов трагедии Гёте в контексте европейского культуры, исследовано своеобразие фаустианского комплекса как культурного кода в художественных формах разных эпох, определены причины актуализации гетевской традиции в отдельных авторских концепциях.

Научно-практическая значимость работы несомненна. Открытые имена и произведения могут быть изданы и использованы в исследованиях зарубежных и отечественных гетеведов. Результаты исследования будут продуктивно применяться в курсах зарубежной и русской литератур, художественного перевода как составной части переводоведения.

Разнообразные методы исследования – историко-культурный, сравнительно-исторический, герменевтический, структурно-генетический и интермедиаальный, культурно-антропологический, эстетико-аксиологический, метод культурного трансфера и другие – определяются задачами

исследования при анализе литературных источников, поэтики жанров, при раскрытии ценностно-смысловой составляющей авторских замыслов.

В основу методологического базиса диссертации положены работы в области исторической поэтики (А.Н. Веселовский), сравнительно-исторического литературоведения (М.П. Алексеев), рецептивной эстетики (Х.Г. Гадамер, В. Изер, Х.-Р. Яусс), работы по различным аспектам культурологии (Р. Барт, Дж. Р. Фёрс), философии (Э. Кассирер, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, И. Хей-зинга, К. Ясперс), психологии творчества (Ж. Бодрийяр), лингвопоэтики (Вяч. Вс. Иванов, Ю.С. Степанов), переводоведения (И.А. Алексеева).

Греко-латинские определения топосов и мотивов в работе Г.М. Васильевой неустанно напоминают о том, что и русская литература в особенности XIX и XX вв. мыслила себя в контексте западноевропейской культуры, для которой классик Гете с его вписанными в философскую и художественную систему XVIII в. образами Фауста и Мефистофеля был важнейшим ориентиром.

В соответствии с поставленной целью и задачами исследования диссертация, общим объемом в 522 страницы, состоит из Введения, пяти глав, свидетельствующих о междисциплинарности исследования (литература, философия, межязыковое и трансмедиальное переводоведение), Заключения, Списка литературы из 372 наименований на русском и пяти иностранных языках и двух Приложений, содержащих как авторские переводы диссертанта, так и комментарии переводов А.Н. Овчинникова.

Во Введении исследователь справедливо отмечает, что «писатели обращались к морфосемантической структуре максим Гёте, воплощая разнообразие смыслов» (с. 18). На это указывают «прямые отсылки, переключки, приемы автокомментирования, псевдо- и ситуативные цитаты из «Фауста».

В первой главе – «Морфология культуры и идея символической парадигматики в творчестве И.В. Гете» – идея морфологии распространена и на его теорию языка, и на философию, и на творчество. В параграфе «Морфология как универсальная наука о строении вещества и представление И.В. Гете о художественной целостности» справедливо утверждается, что «работам Гёте, «непризнанного биолога» (Р. Якобсон), о культуре присущ естественнаучный пафос» (с. 45). С этим нельзя не согласиться, учитывая универсальность и целостность просветительского мышления Гете. Во втором параграфе – «Паремиологическая модель мира и семантическая категория текста-тканья» – убедительно показывается, что «творчество Гёте восходит к древним фольклорным – прежде всего, паремиологическим – традициям, хранит память архаических времён» (с. 52), которая отражается в пословицах, загадках, баснях, афоризмах и т.д. «Для Гёте суть культуры и языка была сродни «женской сущности». Она олицетворяла боготворимую природу (с. 55), что сочетается и с морфологией искусства, и с вниманием Гете к ткачеству, творениям бога-мастера в древних мифологиях и рапсо-сшивателю песен, к ткачеству парок и норн (с. 56). Доказательно Г.М.

Васильева характеризует трагедию Гёте как «вселенский, биологический и культурный образ ткани» в символах узлов, сети, нити, пряжи, зеленого древа, пестрой жизни (с. 57).

В последующих параграфах подробно анализируются три Пролога и мифопоэтическая триада «слово – мысль – дело», задающие философскую и этико-эстетическую парадигму трагедии, истолковывается ключевое значение сцен «Ночь», «Кухня ведьмы», «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге».

Во второй главе – «Аксиодоминанты И.В. Гете и многоаспектность их воплощения в русской литературе: историко-культурный и текстуальный анализ» – проводится сравнительно-сопоставительный анализ «Фауста» Гете и многочисленных произведений русской литературы. Здесь и «Сцена из Фауста» А.С. Пушкина, и восприятие «Фауста» декабристами, и «Ревизор» Н.В. Гоголя (в каком-то смысле параллель к «Разбитому кувшину» Клейста), и проза И.А. Гончарова, и сходное отношение к понятию мастерства Гете и Л.Н. Толстого, и рецепция творческой системы Гете И.А. Буниным и Е.И. Замятиным, и «Возвращение доктора Фауста» и сказка «Не может быть» Э.Л. Миндлина. Эти наблюдения, как результат медленного пристального чтения, чрезвычайно точны и заставляют задуматься о необычайной продуктивности интертекстуальных диалогов между писателями, на первый взгляд, разных культур и пространственно-временных рамок. Поражает значительный ассоциативный ряд, который проистекает из широкого круга чтения автора диссертации.

В третьей главе – «Два модуса восприятия как сюжетобразующий принцип» – на примере журнала «Будильник», избравшего своим «патроном духа иронии» Мефистофеля и публиковавшего сатирические произведения, показывается, как «комическое в трагедии Гёте, продолжавшее народную традицию, вернулось в массовую культуру» (с. 220). В «Будильнике», как верно подмечает Г.М. Васильева, трагедия Гёте выступала в качестве «прототекста для пародий» (с. 227).

Примером выборочного обращения к Гёте Г.М. Васильева называет отношение к немецкому писателю А.П. Чехова. С одной стороны, атомизирующий взгляд Чехова создавал «уклоняющиеся» высказывания – иронические, аллюзионные, метафорические (с. 231-232). С другой стороны, Чехов слышал в «Фаусте» голос «Книги Притчей Соломоновых» и «Екклесиаста» (с. 236).

Если размышления В.В. Набокова о немецком писателе предстают как двойственные и далеко не восторженные, то романы Егунова-Николева и М.А. Булгакова, декларировавших связь с европейской культурной традицией, свидетельствуют о неполемическом, «утвердительном» отношении русских писателей к оригиналу (с. 263).

В четвертой главе – «Фауст» в контексте философского и филологического типов научного познания» – Г.М. Васильева обращается к соотношению взглядов не только философов Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера и Швиттау, но и к разысканиям Московского лингвистического

кружка в лице А.Г. Габричевского и А.И. Ромма, а также к «Морфологии сказки» В.Я. Проппа.

Отталкиваясь от идей Гете, Шопенгауэр считал, что в XIX в. западная культура окажется перед опасностью исчезновения, если не сможет по-новому организовать строй психики «фаустовского» человека (с. 268). Ницше, по определению Г. Бенна «настоящий гигант послегётевской эпохи», вслед за Гете признавал язык важным средством ретрансляции и знакового воплощения культуры (с. 271).

Шпенглер, используя ницшеанскую дихотомию, противопоставлял аполлонический тип человека античности – типу Фауста Нового времени, инстинкт которого, деятельный и волевой, направлен в будущее. Нельзя не согласиться с высказанной в диссертации мыслью, что фаустианский человек, выражающий дух протестантизма, – это тип практической, дальновидной деятельности, направленной на внешний мир. Абсолютно верным нам кажется вывод о том, что Гёте предвосхитил образ Западной Европы: цивилизация вместо культуры (с. 288), а также о том, что человек с фаустовским мышлением истощает природу, полагая, что земля должна работать (с. 289). Эти идеи наглядно и доказательно изложил М. Вебер в книге «Протестантская этика и эпоха капитализма».

В диссертации исследуется проект «гётерономии» А.Г. Габричевского. Понимание членами МЛК языка, их учение о внутренней форме слова и внутренней форме в философии искусства, как доказательно представлено в диссертации, восходят к морфологии языка Гете. Эпиграфы в работе В.Я. Проппа «Морфология сказки» также взяты из Гете. По признанию Проппа, и определение для книги он заимствовал у Гете. Как убедительно показывает Г.М. Васильева, Пропп вслед за Гете ставил «общеморфологические цели» и задачи структурно-морфологического освоения культурных явлений (с. 308). Теоретик полагал, что рассматривать формы сказки можно с такой же точностью, как и морфологию органических образований (с. 309).

Пятая глава – «Комментарий и переводческая практика» – открывается мыслью о том, что Гёте, подобно многим предшественникам и последователям, писал о переводе как дерзновенном виде языковой практики в пику романтикам, которые утверждали невозможность перевода. Он считал перевод, воссоздание системы произведения в другом языке регенерацией, усилением (с. 315). Гете изучал чужие переводы, делал свои, занимался проблемой переводческого творчества в философии. Как следует из диссертации, писатель выделял три вида перевода: преобладавший в Европе того времени прозаический (со смысловой близостью к оригиналу) – с главенством содержания (Библия в переводе Мартина Лютера); пародийный – с главенством формы (сочинения К.М. Виланда) и перевод с идеальной гармонией формы и содержания, примеров которого Гёте не нашел (с. 316). Представления Гёте о третьем типе перевода являются эталонными и «экспертными» и именно они служат мерой будущим авторам.

Исходя из мысли, что несколько переводов не только не мешают, но и восполняют друг друга, в диссертации приводятся примеры и подробно

анализируются переводы как с немецкого языка на русский (А.М. Овчинников, М. Семперверо, К.А. Иванов, Н.Б.), так и трансмедиаальный перевод Гейне. По поводу рецепции перевода Овчинникова делается вывод, что в его практике отозвались идеи лингвистов и фольклористов XIX века (с. 341). Г.М. Васильева не без основания видит в переводе Овчинникова элементы реконструкции более древней системы внутри языка и особую «переводческую» форму: эпический теопозис (с. 350), включающий северорусский комплекс культуры. При этом переводчик парадоксально воплотил в своем творчестве «вышнюю» просвещенность интеллектуалов эпохи и парадигмы ее простецов (с. 356). «Фауст» Овчинникова явился самодовлеющим образованием в культуре языка перевода, где вместо точности главным стало разнообразие сближаемых мировых культур.

Интересны наблюдения Г.М. Васильевой в связи с переводом Семперверо: «Семперверо, поэт скорее «ученый», чем «простодушный», был экспериментатором в области языка. Он пытался «пересадить» на почву русского языка поэтические системы разных культур. Поэт формулирует проблему интерференции: не создавать текст, который звучит «как перевод». Он отказывается от синтаксических структур языка оригинала, обращается к ресурсам родного языка. Его подход можно назвать ассимилирующей переводческой стратегией, когда текст становится аналогом музыкальной партитуры. Стремление к расширению границ познания, к «образованию ума» выразилось с помощью перевода как способа культурного и научного поиска, образовательного путешествия» (с. 365).

Перевод, связанный с академическим амплуа К.А. Иванова, по мнению Г.М. Васильевой, относится к просветительскому типу. Комментарии Иванова к Фаусту – лингвистические, архитектурно-краеведческие рефлексии над собственным переводом – «были предметом, органически близким интеллектуальному темпераменту автора» (с. 372).

Другой тип перевода Г.М. Васильева находит у Гейне. Термином «поэма» в произведении «Доктор Фауст. Танцевальная поэма» (1847) Гейне выстраивает линию взаимодействия, синтеза литературы, музыки и танца (с. 390). В ней передается танцевальное (пластическое) обозначение сил миропорядка как целого. Справедлива мысль о том, что поэма является единственным произведением Гейне на сюжет «Фауста», но фаустианская идея воплощена во многих его сочинениях («Флорентийские ночи», «Путешествие по Гарцу» и др.). Эта идея обрела программный характер: она развернулась как модус существования художника, стала формой осмысления опыта предыдущих поколений и, в определенной мере, формой его преодоления (с. 391).

Имеющим важное значение для гетеведения является открытие Г.М. Васильевой перевода под монограммой Н.Б. в Научной библиотеке Казанского университета. На ее взгляд, данный перевод логичнее включить в контекст переделок для сцены, оперных либретто и балетных сценариев, так как либретто «Фауст и Маргарита» отстает от литературного первоисточника, от академических ссылок на классическое наследие. Текст

сокращен, и это также меняет смысловые акценты. Таким образом, делает вывод Г.М. Васильева, вопросы точности в данном случае вторичны. Перевод интересен другим: он демонстрирует набор приемов, которые казались достаточными и убедительными для сценического воплощения.

Подводя итог проанализированным переводам, Г.М. Васильева отмечает, что, вступая в сотворчество с Гёте, авторы-переводчики соотносили свои тексты с национальной литературной системой (с. 412).

Особо хочется отметить Приложение к диссертации. В нем Г.М. Васильева представила собственный, «филологический» перевод трагедии. Она предназначала его для исследовательских целей и старалась передать полистилистику – контрастность фрагментов текста, смешение литературных стилей. На наш взгляд, этот перевод вполне мог бы составить конкуренцию современным переводам «Фауста» и быть опубликованным.

В процессе чтения возникли несколько вопросов, которые хочется задать автору диссертации:

- Вы уделяете большое внимание номинализации и порождаемым ею смыслам. Как Вы считаете, зачем Гете переименовал своего героя из Иоганна, как звали Фауста в народной книге, в Генриха?

- Можно ли найти в других, помимо русской, литературах такое пристальное внимание к «Фаусту» Гете и столь деятельный фаустианский диалог?

- Считаете ли Вы привносящими нечто существенное, что свидетельствовало бы о «приросте смысла», современные переводы «Фауста»? Какие из них заслуживают внимания?

- Известно, что за пределами означенного объема диссертации остается значительное количество страниц различного рода размышлений, косвенно связанных с главной темой диссертации. Каковы они и перспективы Ваших дальнейших исследований?

Подводя итог, следует сказать, что цель данного исследования достигнута, поставленные задачи выполнены, структура работы четко продумана и выстроена, диссертация написана прекрасным литературным языком, основные выводы в работе изложены логично и обстоятельно. Доказательная база диссертационной работы убедительна, достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается значительным объемом изученного материала (художественные произведения на немецком и русском языках, в том числе их переводы и тексты в собраниях сочинений и журналах, а также критическая литература, включающая работы литературоведов, философов, лингвистов, культурологов, переводчиков и др.). Работа Г.М. Васильевой прошла внушительную апробацию на площадках международных конференций с 1979 по 2021 гг., проводимых в Белоруссии, на Украине, в Грузии, Франции, Германии и других странах. В 170 статьях, двадцать из которых опубликованы в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК (одна из них индексирована в web of science), в монографиях, учебных пособиях, переводах полно отражаются основные положения диссертационного

исследования. Столь обширное количество публикаций по всем аспектам диссертации вытекает из «экзистенциальной направленности автора на общение» (с. 189), как Г.М. Васильева пишет о МиндLINE. Эти слова полностью относятся к ней как вдумчивому исследователю и эрудированному филологу.

Все вышеизложенные факты позволяют признать, что диссертация Г.М. Васильевой «Фауст» И.В. Гёте в русском и европейском литературном сознании», представляет собой законченное, самостоятельно выполненное, содержательно актуальное и значимое в практическом аспекте научно-квалифицированное исследование. Диссертация предлагает решение существенной для русской литературы и литературы народов стран зарубежья (немецкой) проблемы рецепции и осмысления «Фауста» И.В. Гете в русской и европейской литературах, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к исследованиям, представленным на соискание ученой степени доктора наук, изложенным в пунктах 9-11 и 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года (в редакции от 11.09.2021 № 1539), и соответствует паспорту специальностям 10.01.01 – русская литература и 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (немецкая). Автор диссертации Галина Михайловна Васильева заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература и по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (немецкая).

Официальный оппонент

Андреюшкина Татьяна Николаевна –
доктор филологических наук (специальность
10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(западноевропейская литература), доцент,
профессор кафедры «Теория и практика перевода»
Гуманитарно-педагогического института
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Контактная информация:

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»
445020., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 (8482) 536457

Эл. почта: andr8757@mail.ru

С научными публикациями Т.Н. Андреюшкиной можно познакомиться на сайте

www.elibrary.ru

27.04.2022

Исполнитель: *Андреюшкина Т.Н.*
Закрываю
Начальник управления делами ТГУ
Т.Н. Андреюшкина
2022г.